

18+

Наташа Гейден

День памяти

Наташа Гейден

Дань памяти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51385015

ISBN 9785449832382

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Знает ли кто-то, что предначертано нам судьбой, или вся наша жизнь – лишь череда необъяснимых случайностей? Героиня книги не знает точного ответа, она лишь рассказывает свою историю, очень личную и откровенную. Счастливое детство, яркие эмоции, близкие люди рядом... Но всё изменилось практически в один миг. Как пережить смерть родных, отпустить прошлое, простить все обиды и начать жить заново? Есть только один надёжный способ – любить и верить. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	5
Глава 1. «Детство»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дань памяти

Наташа Гейден

Корректор Александра Макарова

Дизайнер обложки Евгения Язвенко

© Наташа Гейден, 2020

© Евгения Язвенко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-3238-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Время лечит раны? Нет. Со временем они затягиваются, а глубокие шрамы остаются на всю жизнь. Ты помнишь всех, кто был с тобой в течение жизни, и не можешь отпустить их, когда они давно покинули этот свет. Когда теряешь самого близкого тебе человека, наступает ступор и непринятие, потом – обманчивое ощущение, что можно все как-то исправить, затем – злость, обида, что тебя бросили, и ты живешь с этой обидой долгие годы, не давая покоя себе и усопшему. Долгом перед покойными станет моральная обязанность просто помнить. Лелеять в душе все памятные минуты жизни, проведенные вместе с ними. Не злиться, не обижаться, а отпустить. Помнить и молиться за родных людей, которых больше нет и не будет. Отдать дань. Дань памяти.

Посвящается моим родным людям, которых больше нет: маме, папе и любимым бабушкам. Светлая память, мои дорогие! Вы всегда в моем сердце.

Вы когда-нибудь задумывались, зачем Вы вообще живете? Уверена, что да! Если бы у Вас был выбор и Вас спросили, стоит ли рожать Вас или нет, что бы Вы ответили? Только честно. Вот я бы ответила: «Нет». Почему? Да потому что, рожая кого-то, Вы не задумываетесь, какая судьба уготовле-

на Вашему чаду и что может с Вами произойти. И не думайте о том, что если Вы умрете, то обречете своего ребенка на большие муки. Я ничего не имею против матерей. Наоборот, готова всем мамам поставить памятник при жизни за их терпение, полную отдачу и истощенные нервные клетки. Это нормальным мамам, достойным того самого памятника. Которые жизнь отдадут и убьют за своего ребенка. Мама, которые о себе думают в самую последнюю очередь и стараются дать своему ребенку самое лучшее. Не судите сразу строго, попытайтесь понять и поразмыслить над тем, что я Вам расскажу. Я иду в разрез с правилами и стереотипами. Я мыслю и смотрю на жизнь иначе, не так, как все. У меня нет друзей, и я этому рада. У меня нет детей, и я их не хочу. У меня почти не осталось родственников, но к этому я привыкла. Я почти никогда не плачу. Я ношу маску улыбчивой и счастливой девушки. Но что происходит в моей голове – одному Богу известно. Я сломалась еще в подростковом возрасте, когда умерла моя мама. А потом меня ломали снова и снова: мой отец, так называемые друзья, подруги и родственники: они все бросили меня. Меня спасла любовь. Я встретила человека, за которого убью и жизнь отдам. Я сильно его люблю. Так сильно, что даже страшно... И сейчас я вроде бы счастлива. Да не вроде бы, а реально счастлива. Но я не могу наслаждаться счастьем, потому что я боюсь, мне страшно. Страшно, что снова что-то случится, и я всегда жду удар в спину, только не знаю, откуда, а от этого еще страшней. Я

боюсь одиночества, поэтому хочу «пришить» к себе любимого человека. Мне страшно за то, что будет дальше. Ведь будущее – это загадка. А неизвестность всегда и всех пугает. Моя сломленная нервная система и искалеченная душа дают о себе знать сейчас, спустя долгие годы. А начиналось все более чем прекрасно. Моя жизнь зарождалась в окружении заботливых и любящих людей. У меня было все. И самое главное – у меня были мама и папа, которых мне так не хватает. Мне так хочется снова увидеть их, крепко обнять и почувствовать тепло их тел. Но в последний раз я ощущала холод на губах от прикосновения к холодному лбу любимой мамы и дорогого папы. Они покинули меня в разный период времени с разницей почти в 20 лет. Но холод на губах и чувство, что я вижу их в последний раз в жизни, я запомнила навечно.

Глава 1. «Детство»

Я до сих пор помню то чувство любви и безопасности, заботы и уюта, то, чем меня окружали родные. Я помню, как на четырехлетие мама подарила мне красного смешного слоника, как каждое лето вся семья праздновала мой день рождения на даче. Меня с утра будили песней «Happy birthday to you» [1] с самодельным тортом из коржей, промазанных кремом из сгущенки, сливочного масла и грецких орехов, украшенным свежей клубникой с грядки. Я помню запах лета, скошенной травы и свежести. Как я скучала, когда родители уезжали на неделю, а меня оставляли с бабушкой и прабабушкой, которые души во мне не чаяли. Но я все равно плакала, потому что очень не хотела разлуки с любимыми мамой и папой. А еще на выходные приезжал дед. У нас была собака Мишка, а потом появился котик Мартик. Их сейчас нет, но они для меня всегда живы. Как мама, папа, бабушки и мои воспоминания.

Мой папа начал очень хорошо зарабатывать, когда мне было лет шесть. Моя мама ушла с работы и посвятила всю свою жизнь мне, она жила жизнью своего ребенка. Меня пристроили в музыкальную школу, и я начала учиться играть на пианино. Как говорится, талантливый человек талантлив во всем – так это про меня. Помимо отличной учебы в музыкалке, я лепила из пластилина, писала стихи и сочиняла

рассказы, рисовала, пела, стала старостой в школе и училась на одни пятерки. Со мной все девочки хотели дружить. Я нравилась всем мальчикам в классе. Я всегда и везде была первая. Так и в музыкальной школе. В восьмилетнем возрасте я выиграла международный конкурс, и меня короновали в московской консерватории. Мне лично вручал гипсовую медаль, диплом победителя и цветы известный композитор и ученик Шостаковича Хачатурян. А потом я резко слегла. Врачи диагностировали нервную истощенность. Конечно. Я занималась по 6—8 часов в день. На конкурсе выдавала такие произведения, что под силу только выпускникам и студентам консерваторий. Мама переживала больше меня, а я вообще практически не волновалась. Только немножко перед выступлениями. Но, так получилось, что я заработала нервный срыв. А потом меня приглашали в Германию на очередной конкурс. Но моя мама отказалась и забрала меня из музыкальной школы на лечение.

В моей семье было 7 человек: я, мама, папа, баба Света, прабабушка (баба Тата), дед Коля и мой крестный отец Олег (Анкл). И много родственников: жена Олега Лидия, ее мать Женя, отец Кирилл и долгожданная дочка Верочка. А еще сестра моей прабабушки, ее муж, дочь с мужем и их дочка. А еще сын прабабушки, его жена, их дочка с мужем и их дочка. И подружки моей мамы. Только они все куда-то делись после моего рождения, а одна осталась – Ирина. Ах да, еще у меня были баба Нина и дед Ваня – это родители моего отца,

а у них еще был сын, его жена и их сын – мой брат. В общем, родственников было много, и все они все время приезжали и приходили на всевозможные праздники и торжества моего семейства. Все дарили друг другу подарки и говорили разные слова. Иногда ругались, но потом мирились. Кто-то иногда покидал этот свет, и все ездили на кладбище, пили, ели и разговаривали обо всем на свете, но только не о том, к кому, по сути, приехали. Я жила с мамой, папой и бабой Татой. Баба Света с дедом Колей жили отдельно. Олег со своей семьей – в соседнем доме.

В моей семье всегда все было всем на зависть. Про мою маму говорили: «Как сыр в масле катается». Мой папа хорошо зарабатывал. Я росла красавицей и умницей. Наши отношения с мамой были больше дружеские, чем сугубо «дочки-матери». Маме я могла доверить свои самые сокровенные тайны и вопросы. К годам десяти я и выглядела, и рассуждала как пятнадцатилетняя. Все подружки были старше меня, не считая одноклассниц, которыми я играла, как хотела. Сегодня дружу с одной, завтра моей лучшей подругой становилась другая. Меня все любили и хотели быть со мной. На меня равнялись и мне подражали. Я была примером и идолом для многих девочек, объектом желаний для мальчиков. В день Святого Валентина я предложила завучу повесить ящик для валентинок, как в Америке. Повесили. Сколько же валентинок в тот день я получила – просто не счесть! Мне завидовали и мной восхищались. В валентинках признава-

лись в любви и предлагали дружить. На меня обратил внимание главный хулиган и бунтарь школы, и я влюбилась в него. Не сразу, конечно. Спустя недели две. Но мне тогда казалось, что это настоящая любовь. У меня бабочки порхали в животе, и я плакала от того, что мы не вместе. Первая детская любовь и первые осколки маленького разбитого сердца.

Меня любили. Тогда любили. Три главные женщины моей жизни – мама, бабушка и прабабушка. Отец и мой Анкл. Как-то, когда мой папа еще ездил на электричке с дачи на работу, он оставил для меня сюрприз под подушкой – жвачку. Но собака Мишка вытащила эту жвачку, а когда я проснулась, увидела Мишку, который в лапах зажимал эту жвачку, а мордой растягивал резинку в разные стороны. Я расплакалась. Но не из-за того, что осталась без жвачки. Мне стало жалко папу. Он хотел сделать сюрприз, а собака все испортила. Но в Сочи мы с папой отыгрались. В шутку затеяли спор. Конечно, папа знал, что проиграет, и предложил мне любое желание в качестве моего выигрыша. Я не растерялась и сказала, что хочу упаковку из 20-ти жвачек Love is. Я, конечно, выиграла и ходила с полным ртом резинок, и надувала огромные пузыри. А четвёртого ноября каждого года у папы был день рождения. И на 35-ый день рождения я решила устроить любимому папе сюрприз. Всю ночь я не спала, надувала шарики и рисовала плакаты. Периодически подходила к окну, за которым кружились хлопья первого снега, отражались и блестели от уличных фонарей, ложились

воздушным ковром и покрывали голые деревья... А на утро папа пожарил мои любимые картофельные блинчики, и нам троим было радостно и уютно.

В моей семье было много праздников, торжеств и простых посиделок, но Новый год был один. И каждый Новый год был особым праздником. Мы с мамой наряжали елку, украшали дом, мне дарили море подарков, и всегда был шикарный стол и куча гостей. В новогодние праздники мы с папой, мамой и бабушками ездили в лес на прогулку: я каталась на лыжах, взрослые гуляли, согревались водкой и закусывали бутербродами. А потом они ехали в так называемый ресторанчик, представлявший собой территорию с отдельно стоящими домиками и открытым мангалом. В самом уютном домике все ели плов и манты, заказывали шашлыки и лепешки, а взрослые, конечно, пили водочку. Денег в нашей семье хватало. Хватало на хороший ремонт, шикарную одежду, дорогую машину и путешествия. Мама, я и бабушки одевались в лучших бутиках, папа следил за собой и выглядел ухоженным и импозантным молодым мужчиной. У моего отца было несколько магазинов с фототоварами и фотоуслугами. В начале 2000 года эта тема была на пике популярности, и отец ловко вел дела, открывая одну точку за другой. Потом он снял в аренду огромный комплекс, где можно было купить все: от еды до косметики. В преддверии Нового года всегда была очень большая выручка, на которую можно было жить не один год, но мамины расточительство и страсть

к «жить одним днем и на широкую ногу» приводило лишь к шикарным подаркам себе и близким, роскошной одежде и обуви, деликатесам и элитному алкоголю. Во время одного из очередных застолий моя семья решила, что одного помощника папе будет мало, и возникла идея привлечь к его бизнесу Олега. Что моментально было всеми одобрено и обмыто немалым количеством спиртного. Так мой любимый Анкл стал работать вместе с папой. Конечно, моя семья еще больше сблизилась. Выходные все вместе – с Олегом, его женой Лидой и всеми родными – проводили на даче: жарили шашлыки по вечерам, Олег играл на гитаре и пел душевные песни Высоцкого, Розенбаума и других неизвестных тогда мне исполнителей, чьи песни я помню сейчас наизусть. На следующий день все ездили купаться на канал им. Москвы, взрослые снова жарили шашлыки, пили водку и громко слушали Ляписа, Штурм и «Несчастный случай». Иногда мы с мамой собирали землянику, которую нанизывали на травинки, и делали вкусные браслетки. А осенью всей семьей ходили за грибами, и все пили алкоголь (кроме меня, конечно): для зоркости глаза, за первый и третий гриб, за первую собранную корзину и уходящее лето, за чистый воздух и красоту осени, за крепкую семью и за любовь... Они постоянно пили, если задуматься. За новую мебель, за ремонт, за новую одежду, чтобы носилась, за всех и за все. Первый раз я попробовала алкоголь года в четыре. Благодаря шутнику Олегу. Я лазила под столом во время какого-то праздника,

а за столом разливали ликер. Анкл налил в рюмку-сапожок немного ликера и угостил меня, незаметно сунув руку с рюмочкой под стол. А еще именно Олег приволок в дом собаку Мишку. Он нашел его на первом этаже нашего подъезда еще совсем маленьким и жалким щенком. Была зима, стало жаль собачку. Принес к нам в квартиру. У моего папы вскоре началась аллергия, и собаку отдали бабе Свете и деду Коле. К счастью, пес Мишка стал для бабушки и деда любимым «сыночком», и они души в нем не чаяли, особенно дед. Я как сейчас помню: когда наступило лето, все снова поехали на дачу. Олег взял меня и Мишку в лес на прогулку. Был невероятно солнечный день, отличное настроение, Олег постоянно шутил, а я заливалась от его юмора. Вскоре мы набрали на какую-то лужайку в березовой роще и улеглись на свежую траву. Пес Мишка, уже подросший щенок, носился по лужайке и радостно лаял. Анкл курил американские сигареты Camel и показывал мне верблюда на пачке. Олег любил меня. А я любила его. Мне всегда с ним было очень весело и просто. Он был моим лучшим другом, человеком, который всегда все поймет и не предаст. Никогда... А когда я была совсем еще маленькая, Олег иногда забирал меня из садика. И это был маленький праздник для нас двоих. Он приводил меня домой и готовил яичницу по-холостяцки: поджаривал кусочки белого хлеба и заливал их огромным количеством яиц – штук 13. Я помню все. Помню до слез. И душа рвется на части...

В детстве я много и часто болела. У меня было все и сразу: от ОРВ до бронхиальной астмы, сколиоз, ВГСД, аритмия и хронически пониженное давление. А еще я всегда была полненькой. Такой уж уродилась, как говорила баба Нина (папина мамаша). Моя мама постоянно сажала меня на диету, садилась сама, пыталась приобщить меня к спорту и общалась сама. Но не наше это, по ходу, было. Мама в итоге срывалась, а меня баловала вкусеньким. Готовила мама волшебным. Ко мне постоянно приходила противная врачиха и констатировала: «Холодильник от ребенка запирайте на замок». Я всегда очень стеснялась и сильно втягивала живот, чтобы торчали кости. На что врачиха говорила: «Ладно уж тебе, выдохни. И дыши!» И слушала меня специальным приспособлением – стетофонендоскопом. Моя медицинская карта была такая же толстая, как я. К 10-ти годам таких карт у меня было уже три. А потом я как-то резко перестала болеть. Только иногда симулировала. Чтобы не ходить в школу. До безумия любившая меня мама, конечно же, верила и вызывала врача. И я оставалась дома и «болела» неделю, а то и две... И всем было хорошо и спокойно. Вечерами часто заходил Олег со своей собакой, привязывал ее у порога, и взрослые разговаривали до поздней ночи на кухне. Как-то я отвязала собаку, та рванула в мою комнату, к моим игрушкам и разодрала их всех: плюшевых мишек, у кукол отгрызла головы, расчленила резиновых пупсов на конечности и, забравшись под кровать, рычала и не хотела долго выходить. Я

ревела и прижимала к себе того смешного слоника, которого мама подарила мне на четвертьлетие.

Мое детство прошло в компании любящих и любимых мной родных. Я всегда хотела сделать всем приятное и блеснуть своими талантами. Для каждого торжества я придумывала какие-то номера, пела, конечно, играла на пианино, танцевала и читала собственные стихи. Лет в восемь я начала писать рассказы помимо стихов. Иногда на выходные меня забирала к себе домой баба Света. Мы ходили гулять с собакой Мишкой. Баба Света всегда покупала мне всякие вкусности и готовила простую, но очень вредную и вкусную еду. Макароны по-флотски и жареные пельмени. А еще бабушка с дедом разрешали мне допоздна смотреть телевизор. И я мерила все бабушкины платья и украшения. Однажды я сказала бабушке, что знаю – моя мама скоро умрет. И что мне очень страшно. Баба Света очень разволновалась, строго-настрого запретила мне даже думать об этом, и больше такие разговоры мы не заводили. Я всегда чувствовала, что мамы скоро не будет. Впрочем, скорее всего, и материнское сердце бабушки предчувствовало беду.

Каждый год майские праздники у моей семьи начинались с открытия дачного сезона. Дача, доставшаяся моему деду в советские времена, находилась в 70 км от Москвы. На дачу ездили на двух машинах: я с родителями – в одной, а бабушка с дедом и собакой Мишкой – в другой. На майские было холодно, но в доме – тепло и уютно. Дед топил печку и вклю-

чал в каждой комнате по обогревателю. Кухня и обеденный зал находились в другом небольшом домике, и завтрак мне приносили прямо в постель. Я обожала эти простые и невероятно вкусные завтраки: клинские котлеты с толстенными макаронами в сливочном масле на гарнир. Уже с самого утра все начинали выпивать, кроме деда. Что-то делали по хозяйству, но в основном пили, разговаривали и готовили. Каждый вечер жарили шашлыки и снова пили. Иногда приезжал Олег, и было еще веселее. Майские праздники заканчивались. Я доучивалась в школе, и меня отправляли на все лето на дачу. Мои родители, Олег и его жена Лида приезжали только по выходным. Основное время я была с бабушками. Приезжали мои подружки: Аля и Лена. Мы гуляли, ходили на пруд, бегали друг к другу смотреть сериалы: «Антонелла», «Вдова Бланко» и «Дикий ангел». Мы с Алей были очень близки и даже называли друг друга сестренками. С Леной – слишком похожи характерами, поэтому иногда даже ссорились. Но через 10 лет все изменилось. Мы отдалились друг от друга. На дачу я приезжала уже совсем в другую компанию. И так наши пути разошлись...

Я очень любила животных и очень хотела котика. Шли мы как-то с бабушкой из леса с банками, полными черникой, через соседнюю улицу домой. На заборе одного из участков я увидела объявление, что бесплатно раздают котят. Конечно, мы с бабушкой окликнули хозяев участка и попросили посмотреть котят. Тут я увидела его – маленького пушисти-

ка окраса «рысь» с невероятно голубыми глазами. Все котята были хороши, но этот выделялся. Он сразу полез ко мне на ручки, стал тереться о меня и мурлыкать. Котята были совсем маленькими, и пол был неизвестен даже хозяевам, поэтому я назвала котенка Мартой, и мы с бабушкой стали ждать приезда родителей, чтобы вместе вернуться и показать котенка маме с папой. Благо, была пятница, и родители приезжали вечером. В субботу утром они бы смогли забрать Марту. Мы «забронировали» котенка и распрощались с хозяевами пушистиком до следующего дня. Я ни на что не надеялась. Во-первых, у нас был пес Мишка, который всегда гонялся за котами, во-вторых, у папы была аллергия, что являлось главным аргументом не заводить никаких животных. Но, видимо, появление котика в жизни нашей семьи было чем-то судьбоносным, и после недолгих уговоров все вместе пошли смотреть котенка. Либо хорошее настроение родителей после выпитого с утра алкоголя сыграло роль, либо мое нытье и уговоры, но уже в субботу котенок был у нас дома. Пес Мишка сразу почуял неладное. Взрослые закрыли котика в одной из спален и кормили-поили его там. Смастерили ему место для туалета и Мишке не показывали. Странно, но собака, которая от вида любого кота приходила в бешенство и гонялась за ними, готовая разорвать на части, постепенно знакомилась с котенком. Нюхала его, не гоняла, никогда не кусала и не скалилась. А со временем они стали неразлучны. Когда кто-то ругал котенка, Мишка моменталь-

но вставал на его защиту: загораживал собой и рычал, скалился на того, кто смел обидеть котика. Да, примерно через месяц все узнали, что котенок – мальчик, и он был переименован из Марты в Мартика. Невероятно умный и ласковый кот – добрый и игривый – стал всеобщим любимцем и полноправным членом нашей семьи.

Моя семья была большая и дружная. Все были неразлучны. Особенно я с мамой и бабушками. Баба Тата отличалась строгим нравом и своеобразным характером. Но это не мешало ей любить своих детей и внуков всем сердцем: меня, своих внуков – маму и Олега – и свою дочь – мою любимую бабушку Свету. Именно в таком порядке отличались ее любимчики в нашей семье. Из года в год особо ничего не менялось. У нас водились деньги, была любимая дача, постоянные праздники и я – отличница, умница, красавица. Все портило одно – постоянные застолья с алкоголем. В моей семье пили почти везде и всегда. Шли ли семьей в Большой театр или гуляли в лесу, отправлялись ли в гости или просто встречались за праздничным столом в воскресный день. Алкоголь сопровождал моих родных постоянно. Каждое лето меня возили к морю. Втроем – за границу (я с мамой и папой) или вчетвером – на побережье Черного моря (с бабой Светой). Иногда с нами выбиралась и лучшая подруга мамы Ирина – модельной внешности, красавица, шикарная женщина. Каждый вечер мы ужинали в разных ресторанах курортных городков. Шумно, весело, с изобилием еды и спирта.

ного для взрослых. Бабушка покуривала. Ей это шло. На маму постоянно заглядывались мужчины. Папа ревновал. Может, именно по этой причине он не желал, чтобы его жена работала. Объяснялось все просто: денег хватает. Дома лучше. Сама себе хозяйка. И дочка под присмотром. Но были и в нашей семье не особые приверженцы выпивки. А именно: жена Олега – амбициозная, невероятно красивая и сильная Лида. Стремящаяся к хорошей жизни и независимости. Совсем молодой Олег, несмотря на глубокую привязанность к своей матери, сестре и любимой племяннице, привыкший к образу жизни семьи, безусловно прислушивался к своей жене. И со временем все изменилось...

С годами пики продаж и востребованность предлагаемых моим отцом услуг и товаров сходили на нет. Технический прогресс не стоит на месте, и чтобы всегда быть на коне, нужно регулярно работать, отслеживать потребности потребителей и периодически менять свою бизнес-пирамиду. Но папа не хотел ничего менять и рассуждал примерно так: «Пусть стало на несколько магазинов меньше. Ничего – нам и так денег хватает. Пусть пришлось распрощаться с лучшими кадрами – незаменимых не бывает». В итоге отец расслабился и большую половину времени проводил дома. Основные задачи и решение вопросов, закупку товаров, переговоры с партнерами он повесил на плечи Олега, а сам прекрасно проводил время в компании своей жены за деликатесами и алкоголем. Так продолжалось примерно год. Безуслов-

но, Олегу и его семье такой подход со стороны моего отца не нравился. Выходило, что Олег вел дела и был таким мальчишкой на побегушках. Папа платил деньги и говорил, что все оплачено – батрачь. Так и разругались. Скандал произошёл на мой юбилей – десятилетие. Все, как обычно, изрядно выпили, слово за слово. Жена Олега сообщила о намерении открытия собственного бизнеса. Что папе с его ухудшением дел абсолютно не понравилось. Начались высказывания нелицеприятного характера в адрес друг друга. Говорили все. Говорили многое. А потом Олег с Лидой собрались и уехали. Мама с бабушкой рыдали, папа всех успокаивал, разливая по рюмкам водку. А с утра они обнаружили полпакета соли, рассыпанной на кухне. Конечно же, во всем оказалась виновата соль...

Как раз в это время начался кризис в стране. Сильно взлетел доллар. Фотоуслуги и фототовары сходили на нет. Техника совершенствовалась, и то, что раньше было модно и современно, постепенно сходило на нет. Мой отец это понимал, но цеплялся за свое дело и не хотел совершенствоваться в новых направлениях. Он все чаще оставался дома. Они на пару с мамой выпивали, строили какие-то неосуществимые планы, надеясь на лучшее. Под алкоголем всегда все видится в розовом свете: и вроде проблем нет, а если есть, то незначительные и решаемые. Только захотеть, щелкнуть пальцем, и все будет. Так думал папа. Как же он ошибался.

Примерно спустя год у моего отца осталось две основные

точки, где он еще что-то зарабатывал. Но никакие заграничные, деликатесы и бутики в нашей жизни больше не фигурировали. Моя семья ездила на дачу из лета в лето. Остальное время я училась и лечилась. Я частенько болела и ходила то на витаминные уколы, то на физиотерапию со сколиозом спины. То еще куда-то. Мама уже тогда начала сдавать. Мне было 12 лет, когда в декабре был последний день рождения любимой мамы. Она пила каждый день. И мой отец на это смотрел спокойно. Я не понимала, почему. Нет, он любил маму. Но у каждого свои тараканы в голове. Отец не хотел плохого своей жене. Тем более ее смерти. Но он свято верил, что все на свете можно вылечить алкоголем. Больную голову, понос и плохое настроение. Моя мама пила каждый день. Из школы я уже сама добиралась через железнодорожные пути. Моя мама напивалась и просто забывала встречать меня. На последний день рождения любимой мамочки я купила букет цветов, нарисовала открытку и сочинила стихотворение. Придя домой, я увидела все ту же картину: мама пьяная спит в своей комнате, в которой стоял невыносимый запах перегара. Я села на кровать, положила цветы и подарок на пол и стала плакать. Я знала, что моей мамы скоро не будет. Мама проснулась, увидела, что ее дочь плачет. Обняла меня и стала плакать тоже. Мне было противно, что мама снова пьяная, но я нашла в себе силы поздравить ее и прочитать стих. Такой слезливый и душещипательный, что после него маме срочно понадобилось залиться очередной пор-

цией водки. Вечером должна была приехать баба Света, папа решал какие-то свои рабочие дела, еще собиралась зайти Ирина и мамина тетя. Я стала помогать маме собираться. Отвела в душ, накрутила, причесала, придела. Вечером было море пьяных слез и много алкоголя. Как сейчас помню, мама постоянно просила свою подругу Ирину позаботиться обо мне, потому что мама знала, что скоро умрет.

Перед Новым годом внезапно заболел котик Мартик. Ветеринары не могли понять, в чем дело. Все анализы были в порядке. Но он сгорел буквально за неделю и умер. Я думаю, что Мартик забрал мамин недуг на себя – такое же бывает... А через неделю погибли все живые цветы в нашей квартире, а цветов было немало. Маме становилось все хуже и хуже. Она много пила, отекала, у мамы сильно болела поджелудочная. Но все лечилось одним средством – водкой. От врачей и госпитализации отмахивались. Лишь когда маме было совсем плохо, вызывали скорую, и врачи на дому ставили капельницы. К Новому году я купила рыжего котенка и принесла его «на счастье». Он умер через два дня...

Новый год встречали у бабушки Светы. Рядом с ее домом, буквально через 50 метров, находился шикарный и дорогой лицей. Маминим единственным желанием было определить меня в этот лицей. После новогодних каникул я уже шла в новый коллектив, в новый лицей. Сначала я жила дома, и меня возил водитель, как и всех других детей богатых родителей. Потом на водителя денег у моего отца не стало, и я

потихоньку перебралась к бабушке. На каждые выходные я приезжала домой. Дома была все та же картина. Пьянство. Для меня было праздником, когда я видела маму трезвой. Каждый день я звонила из лицея домой. Слыша трезвый голос мамы, я была просто счастлива, и эти моменты радости будут храниться в моей памяти до конца жизни. Мне было тяжело. Новый коллектив. Новые знакомства. Спасали подруги из прежней школы, с которыми я встречалась на выходных. Меня принимали в лицее долго. Я составляла конкуренцию королеве лицея, у которой, как и у меня, была вереница подруг и поклонников. До моего прихода. Лидерство переходило ко мне. В итоге мы с «королевой» поняли, что врага нужно держать ближе, и стали подругами.

Каждый год на 23 февраля родители, бабушки и я ездили на кладбище. В эту дату много лет назад умер брат бабушки Светы, и взрослые, конечно, там поминали его. Поминали алкоголем, ели бутерброды, разговаривали, что-то вспоминали. Тот день был солнечным и снежным. Чирикали птички, у мамы и бабушек было приподнятое настроение, они считали птичек, выпивали и говорили обо всем подряд. Долго они в тот день пробыли на кладбище. У меня от мороза чуть не отвалились ноги. Позже все поехали домой и продолжили застолье в тепле и под новую порцию алкоголя.

Я в те годы, наверное, как и все девочки моего возраста, вела личный дневник. Предчувствие чего-то страшного у меня началось еще в начале мая. Я писала об этом в своем

дневнике. К концу мая – 20 числа – моя запись начиналась со слов: «Я знаю – мама умрет». 22 мая: «Мама умерла»...

20 мая, в воскресенье, я была еще дома. Почти весь день моя мама спала. Вечером она пришла в мою комнату, была ласковой и нежной, от мамы пахло перегаром и свежим халатом. Проспавшись, она протрезвела, и я была счастлива. Мы немного поболтали, потом обнялись и пожелали спокойной ночи друг другу. Но я решила сделать приятное маме и написала письмо, которое она должна была открыть после моего отъезда. В письме я написала, как люблю свою маму, как скучаю по ней, как не хочу, чтобы она пила, и как всегда жду встречи с ней и новых выходных... Я вышла в гостиную, где увидела, как мама наливает себе вино и пьет залпом, скорее всего, уже не первый бокал. У меня навернулись злые слезы на глаза. Я швырнула в маму свое письмо, предварительно скомкав, и сказала: «ТЫ – АЛКАШКА! НЕНАВИЖУ!» Но мама неожиданно нежно потрепала меня по голове и мягко сказала со слезами на глазах: «А ты – дурашка». Я ушла в свою комнату, хлопнула дверь и проревела всю ночь. Это был наш с мамой последний разговор. Утром понедельника я выходила с папой из квартиры. Дверь в родительскую спальню была открыта. Тогда я увидела свою маму в последний раз. Она спала. Лицо было трезвое, но измученное, болезненное. Волосы на голове превратились в большой колтун, дышать даже в коридоре было невозможно. На прикроватной тумбочке лежало мое письмо, только бережно разглаженное...

На мои глаза вновь навернулись слезы, я отвернулась и вышла из квартиры.

22 мая в 9 утра раздался громкий, такой пронзительный звонок телефонного аппарата. Я поняла, что звонок страшный. Телефон даже звенел как-то по-особенному. Я скрылась в туалетной комнате, затаив дыхание и закрыв глаза. Я ждала... Ждала известие о том ужасном, о чем думала все это время. Сначала я услышала, как моя бабушка тихонько сказала в трубку «Что?». Потом во весь голос, с дикими рыданиями, просто завопила это: «Что???».. Кинулась ко мне в туалетную комнату с криками: «Мама! Мама умерла!» Я молчала. Я знала. Я не плакала и не истерила. Не знаю, почему, но я почувствовала мерзкое облегчение, и мне стало невыносимо больно и стыдно. У меня все было как в тумане. Приехал дед с работы, пес Мишка лаял и выл, как заведенный. Потом я оделась, бабушка продолжала выть. Именно выть навзрыд. Страшно и громко, как воют волчицы, теряя своих детенышей. Дед плакал и прижимал меня к себе. А я сидела и смотрела в окно. На зеленую и свежую майскую листву на деревьях, на пасмурное небо, начинавшийся дождь. Я сидела, у меня текли слезы. Тогда я плакала по-настоящему последний раз. Я понимала, но не осознавала, что происходит. Мне не было страшно. Мне не было больно. Я просто как-то сразу стала пустая внутри. Потом я с бабушкой и дедом добралась до нашего дома. Первое, что я увидела – это как из подъезда выносят матрас родительской кро-

вати: весь в чем-то красном – либо в вине, либо в крови... Мы с бабушкой и дедом вышли из машины. Ко мне сразу подбежала Лида. Стала прижимать к себе, что-то говорить. Мы поднялись в квартиру. Там стоял запах алкоголя, чего-то ветхого и успокоительных капель. Сбежались все родственники. У всех были потерянные лица, и никто не знал, как смотреть на меня, что говорить. Я ведь молчала. Я не плакала. Я была где-то в другом мире... Потом меня забрала к себе семья Олега на три дня – до похорон. Лида всегда была рядом со мной и пыталась, как могла, отвлечь меня и утешить. Только все было зря. Я была спокойна. В день похорон я смотрела на свою маму в гробу и не верила в происходящее. У меня текли слезы, но не более того. Все попрощались с телом мамы и поехали домой. Следующие дни, вплоть до того, пока меня не увезли на дачу на лето, я помнила туманно. Баба Света всегда плакала. Баба Тата держалась, но срывалась, и они плакали вместе. Мой отецпил и плакал. Дед был в себе. Олег переживал горе со своей семьей. Все закончилось. Я с папой, бабушками и дедом уехала на дачу. Зайдя в комнату мамы, я увидела ее тапочки и халаты – зеленый и синий. Я упала на пол, сгребла в кучу мамины халаты, еще какие-то вещи из шкафа, зарылась в них с головой, ощущая еще теплоту и запах родной мамы, и так проревела, наверное, целую вечность. Так, каждый день все напоминало мне о маме. Бабушка постоянно пила и плакала. Папа не мог выдерживать и тожепил, и плакал. Мои подру-

ги Аля и Лена поддерживали меня, как могли. Но было решено собрать все мамины вещи и на некоторое время уехать к родителям отца – к бабе Нине и деду Ване в другой город. Там мы с папой раздали все вещи в церковь и жили в деревне его родителей. Я видела состояние отца. Не раз я наблюдала, как по ночам любимый папочка рыдает в распахнутое настежь окно, или слышала его жуткие всхлипы в уборной, которая была во дворе. Смерть жены подорвала психическое здоровье моего отца, и он не мог обходиться без меня. Папа просто не мог находиться один. Мне не нравилось в деревне папиных родителей. Но я не могла оставить его одного. На тот момент отец был моим единственным родным и любимым человеком. Очень часто по вечерам мы смотрели на небо и считали звезды. Баба Света постоянно пила и зациклилась на своем горе. Она была не в себе. Хоть и ждала меня и папу на дачу. Но я не могла выносить состояние бабушки. Мне казалось, бабушка Света сходит с ума. По большому счету так и было. Спустя несколько месяцев дед, придя с работы, нашел бабушку Свету в ванной комнате с веревкой в руке, готовящейся к суициду. Спустя только долгие и долгие годы я поняла, как я была нужна своей бабушке... Но в силу возраста и собственного замешательства я не уделяла бабушке должного внимания. И все произошло так, как произошло. Ничего в жизни не перепишешь. Все случившееся тогда было ужасом для ребенка, жившего в семье «полная чаша». Но если бы не мои дальнейшие беды, страдания

и постоянная борьба, я бы не стала тем, кем стала. И как же жаль ту бедную маленькую девочку. Только странно, что все, по сути, жалели только себя, а в дальнейшем им до меня дела не стало и вовсе...

Маме...

Мамочка моя милая, я помню тебя, любимая.

Красивая, неповторимая, тебя же уже не вернешь...

Я помню тебя, свое прошлое, свою боль, но ты не поймешь...

Тебя нет и больше не будет, но я мечтаю, что чудо тебя разбудит!

И будет все у нас, как раньше: моя рука в твоей руке;

Мы снова вместе, рядом, но ты в глубоком сне...

Я так хочу с тобой быть рядом!

Обнять, поцеловать, поплакать, посмеяться,

Секретами делиться, шутить и забавляться.

Я помню каждое мгновенье, заботу, нежность и любовь.

Я вспоминаю твои руки, тепло объятий вновь и вновь.

Тебя никто мне не заменит, не будет больше матери.

Но не вернешь того, что было. Лишь пустота теперь внутри.

Тебя ничто уж не разбудит, ты не вернешься никогда.

Я буду помнить, верить буду, что ты со мною навсегда:

Следишь за мною, наблюдаешь, спасаешь от невзгод и бед,

И нет на свете лучше мамы, чем ты... была,

но больше нет.

Уже прошло немало лет, тебя уж нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.